

УДК 908

UDC 908

07.00.00 Исторические науки

Historical sciences

**ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКОЙ
ВЛАСТИ И МУСУЛЬМАНСКОГО
ДУХОВЕНСТВА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ СФЕРЕ В
НАЧАЛЕ 20-Х ГГ. XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ
АДЫГСКИХ НАРОДОВ)**

**THE EXPERIENCE OF COOPERATION OF THE
SOVIET AUTHORITIES AND THE MUSLIM
CLERGY OF THE NORTHERN CAUCASUS IN
THE CULTURAL AND EDUCATIONAL
SPHERES IN THE BEGINNING OF THE 20-IES
OF THE XX CENTURY (ON THE MATERIALS
OF THE ADYGHE PEOPLES)**

Емтыль Зарема Январбиевна
д.ист.наук, профессор
SPIN-код автора в РИНЦ: 3694-9940
Электронный адрес: adg1070@gmail.com
*ФГБОУ ВО "Кубанский государственный
технологический университет", Краснодар, Россия*

Emtyl Zarema Yanvarbievna
Doctor of Historical sciences, professor
RSCI SPIN-code: 3694-9940
E-mail: adg1070@gmail.com
*FSBEE HE Kuban State Technological University,
Krasnodar, Russia*

В статье рассмотрено взаимодействие советской власти и мусульманского духовенства Северного Кавказа в культурно-просветительской сфере в начале 20-х гг. XX в. Статья выполнена в рамках регионального конкурса РФФИ: «Северный Кавказ: традиции и современность» 2017 г. – Краснодарский край. 17-11-23005 тип проекта «а(р)», тема: "Советская власть и мусульманское духовенство Северного Кавказа в 1917-1920-е гг.: опыт взаимодействия (по материалам адыгских народов)". Отмечается, что организация большевиками широкой культурно-просветительской деятельности на Северном Кавказе являлась важнейшим условием органичного вписания региона в советское социально-политическое пространство. При этом основные усилия концентрировались на образовании и создании национальной письменности. Делается вывод о том, что результатом взаимодействия советской власти и мусульманского духовенства в области культуры и образования было формирование новых культурных потребностей и значимые социокультурные изменения в адыгском обществе в соответствии с политическими и идеологическими запросами новой власти

The article describes the cooperation of the Soviet authorities and the Muslim Clergy of the Northern Caucasus in cultural and educational spheres in the beginning of the 20-ies in the XX century. The article is written in the framework of the regional competition of RFFI: "The North Caucasus: Tradition and Modernity" in 2017 – Krasnodar region. 17-11-23005 the type of project «a(p)», the subject is «The Soviet authorities and the Muslim Clergy of the Northern Caucasus in 1917-1920s: The Experience of the Cooperation (on the materials of the Circassian peoples)». It is noted that organization of wide cultural and educational activity performed by the Bolsheviks on The North Caucasus was the most important condition for organic participation of the region into the Soviet social and political space. The main efforts were concentrated on the formation and creation of a national script. Eventually as a result of the interaction between the Soviet authorities and the Muslim clergy, there was a formation of new cultural needs and significant socio-cultural changes in Circassian society in accordance with the political and ideological demands of the new government

Ключевые слова: ИСЛАМ, МУСУЛЬМАНСКОЕ
ДУХОВЕНСТВО, НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПИСЬМЕННОСТЬ, СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ,
ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

Keywords: ISLAM, MUSLIM CLERGY, NATIONAL
LITERATURE, SOVIET GOVERNMENT,
LANGUAGE POLICY

Doi: 10.21515/1990-4665-131-095

Для современного кавказоведения характерно расширение проблематики научных исследований, стремление избавиться от устоявшихся «клеше», что создает стимулы к формированию новых подходов в изучении одной из центральных проблем новейшей истории

народов Северного Кавказа, которую можно обозначить как «Советская власть и мусульманское духовенство», а также выявлению новых аспектов ее научной разработки. К их числу с полным основанием может быть отнесено взаимодействие советской власти и мусульманского духовенства в 20-е гг. XX в. в культурно-просветительской сфере, результатом которого стали коренные изменения социокультурного облика народов Северного Кавказа в соответствии с политическими и идеологическими запросами новой власти.

До последнего времени в отечественной исторической науке существовало тенденциозное освещение взаимоотношений советской власти и мусульманского духовенства во всех областях общественной жизни народов Северного Кавказа и сфере культуры в частности. По сложившейся в советской историографии традиции мусульманское духовенство обвинялось в антисоветской деятельности и разжигании религиозного фанатизма горцев. Исследовательские акценты смещались в область вскрытия классовой сущности ислама. Вместе с тем вне исследовательского внимания оставались позитивные проявления взаимоотношений советской власти и духовенства.

В последние десятилетия в связи с отказом от классово-партийного подхода при рассмотрении исторических процессов наметилась позитивная тенденция комплексного анализа взаимоотношений советской власти и мусульманского духовенства во всей своей сложности и противоречивости, с привязкой к конкретным национальным регионам. При этом исследовательское внимание фокусируется вокруг вопросов, связанных с политикой советской власти в отношении мусульманского духовенства и ее результатов, а также реакции исламских духовных деятелей на нее. В тоже время вне исследовательского поля остается значимый с точки зрения политической и культурной трансформации общественной жизни народов Северного

Кавказа опыт взаимодействия советской власти и мусульманского духовенства в культурно-просветительской сфере, что делает актуальным углублению историографии в данном направлении.

Организация широкой культурно-просветительской деятельности на Северном Кавказе являлась важнейшим условием органично вписания региона в советское социально-политическое. При этом политика большевиков в области культуры в целом характеризовалась выраженным стремлением к унификаторству. X съезд РКП(б) ставил задачу «...помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию» [1, с.366]. Нарком по делам национальностей И.В. Сталин, чья позиция во многом определила государственную политику в этом вопросе, связывал развитие национальных культур с двумя основными категориями – формой и содержанием. Содержание национальных культур наполнялось пролетарским, интернациональным, социалистическим содержанием. Национальной оставалась лишь форма [2, с.69].

В качестве формы национальной культуры выступали национальная письменность, печать, обучение и делопроизводство на родном языке. Этим средствам коммуникации отводилась важная роль в пропаганде новой идеологии. Остальные содержательные элементы национальной культуры рассматривались как патриархально-феодалные пережитки, в отношении которых должна была вестись решительная борьба [1, с.367].

Вместе с тем властям приходилось констатировать, что целый ряд народов, прошедших тяжкое иго национального гнета, «не успел еще освободиться от чувства старых национальных обид», практическим выражением этого являлась «некоторая национальная отчужденность и отсутствие полного доверия ранее угнетенных народов к мероприятиям, идущим от русских» [3, с.84].

В связи с этим реализация задач, стоявших перед советской властью в сфере культуры, не была возможна без привлечения к социалистическому строительству представителей местной интеллигенции. «...большой недостаток интеллигентных сил местного происхождения на окраинах» не мог не тормозить как просветительскую, так и революционно-строительную работу. Именно поэтому вредным для дела считалось «отталкивать от себя и так малочисленные группы местных интеллигентов ...»[1, с.360]. На Северном Кавказе эти малочисленные группы местных интеллигентов в основном были представлены мусульманским духовенством. Именно оно, по признанию органов государственного политического управления являлось решающей силой в районах Северного Кавказа [4, л.36] и воспринималось горцами как единственный рассадник культуры[5, с.222].

Центральное место в культурно-просветительской деятельности большевиков на Северном Кавказе занимала деятельность в области развития образования. Именно в этой сфере отмечалось наиболее масштабное и результативное взаимодействие новой власти и духовенства.

Большевики придавали исключительно важное значение образованию не только как средству повышения интеллектуально-образовательного уровня и профессиональной подготовки населения, но и как института социализации, выполняющего ключевую роль в формировании ценностных ориентаций и социальных установок граждан. Поэтому, начиная свой исторический путь, советская власть все образовательные учреждения превратила в объект социальных движений и даже политической борьбы.

Осознавая культурную и языковую отчужденность горских народов, большевики намеревались не просто создать массовую светскую школу, но и коренизировать ее, то есть перевести преподавание учебных дисциплин на родной язык. Власть заявила о намерении создать национальную школу и признавала «преподавание на родном языке основным условием

методически правильной постановки дела в советской школе, который должен был быть положен в основу всей работы среди национальных меньшинств» [6, с.59]. В постановлении Народного комиссариата просвещения «О школах национальных меньшинств» от 31 октября 1918 г. отмечалось: «Все национальности, населяющие РСФСР, пользуются правом организации обучения на своем родном языке на обеих ступенях единой трудовой школы и в высшей школе» [7, с.25].

Однако на развитии образования сказывался, с одной стороны, крайний недостаток учителей – адыгов, которые могли бы «внушить интерес к школе», а с другой стороны, отсутствие доверия к русскому учительству и формальный подход последних к делу просвещения горцев. В частности, И. Барон в своем выступлении на II съезде Советов АЧАО в декабре 1923 г. отмечал, что, когда посылаемые областным отделом народного образования в аулы русские учителя начинают говорить о пользе школы «черкесы, у которых еще не забыта старая национальная вражда, – очень недоверчиво смотрят как на врага и говорят – зачем нам заботиться о русской школе. Черкес видит в ней чужую школу, тогда как нужно в ней видеть не русскую школу, ни черкесскую школу, а просто школу, откуда можно получить определенные знания» [8, л.115]. Видный адыгский просветитель С.Сиюхов обращал внимание на то, что русские учителя в черкесских школах «не знают черкесской школы, быта и жизни народов, обнаруживают в большинстве формальное отношение к делу и имеют слабые успехи» [9, с.19об].

Создание новых национальных кадров педагогов являлось делом не одного дня. Поэтому автономные органы власти на первых порах пошли на привлечения мусульманского для решения важных образовательных задач, стоявших перед национальной школой. Именно мусульманская интеллигенция, пользовалась авторитетом у массы адыгского населения и

представляла собой главную образовательную силу на протяжении многих десятилетий.

В свою очередь проблема развития образования являлась предметом пристального внимания и интереса мусульманского духовенства. Мотивационное обеспечение деятельности духовенства в области развития образования, безусловно, отличалось от большевистского. Уже с начала XX в. в среде прогрессивного мусульманского духовенства развернулось движение за введение в программу мусульманских школ светских дисциплин и обучение девочек. Вместе с необходимостью овладения знаниями о мире, для духовенства первостепенное значение в условиях существования национальной школы в многонациональном и поликонфессиональном государстве приобретала задача поддержания этнокультурной идентичностей и развития этнического самосознания.

Несмотря на расхождение целей в области развития национального образования, мусульманское духовенство и советская власть продемонстрировали удивительное единство в выборе средств их достижения. В качестве приоритетных направлений деятельности в области формирования национальной системы образования рассматривались организация обучения на «материнском языке» подготовка национальных кадров педагогов, разработка учебников на родном языке. В направлении решения данных задач и развернулось сотрудничество духовенства с новой властью.

Заявленное властью намерение создать национальную школу для национальных меньшинств многие представители мусульманской интеллигенции восприняли с большим оптимизмом. Они активно сотрудничали с новой властью по вопросам развития национальной школы и культуры в целом. Так в должности инспектора районо, а затем облоно в начале 20-х гг. работал бывший сохт Баксанской духовной семинарии А. Шогенцуков. В целой серии публицистических работ А.Шогенцуков

раскрывал значение просвещения и роль учителя в процессе воспитания подрастающего поколения [10, с.415]. С Нальчикским окружным отделом образования активно сотрудничали известные мусульманские просветители Н. Катханов, Х. Эльбердов [11, с.42]. Председателем союза работников просвещения Кабардино-Балкарской области в 1925 г. был избран бывший мулла и председатель шариатского суда Урванского района Т. Барукаев [10, с.120]. Непосредственно к работе в системе светского образования, в компанию по ликвидации неграмотности, широко привлекались действующие и бывшие муллы, а также сохты– учащиеся религиозных школ.

Отдельно следует отметить, что духовенством проводилась большая агитационная работа по привлечению горцев в советскую трудовую школу. В первые годы советской власти она не выдерживала конкуренции со ставшей традиционной для адыгов мусульманской школой.

Важное значение в становлении советской школы на Северном Кавказе играло признание прогрессивным духовенством важности образования и призыв, обращенный к верующим отдавать детей в школу. В этом плане показательным является единогласное постановление Областного съезда эфендиев Адыгейской автономной области, состоявшемся в ауле Хакуринохабль в сентябре 1922 г. по вопросу о просвещении, в котором говорилось о необходимости немедленно приступить к занятию в школах, где таковые имеются, а где таковых нет, вновь открыть с обязательным обучением детей обоего пола в возрасте от 7 до 18 лет. Более того, предполагалось обязать родителей, а у сирот родственников отдавать в школы детей, достигших учебного возраста [12, л.3]. Стремясь привлечь средства верующих на решение культурно-просветительских задач, облисполком добился от духовенства принятия на съезде решения о направлении части средств от закята на культурно-просветительские нужды [12, л.3-4].

В свою очередь местные органы власти вынуждены были закрывать глаза на преподавание Корана и арабского языка в общеобразовательных школах вплоть до середины 20-х гг. XX в., идущего вразрез с инструкцией Народного Комиссариата Юстиции о порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», которая запрещала преподавание религиозного вероучения в любом учебном заведении, кроме религиозных школ.

Однако совместная работа в области развития системы светских школ в адыгских аулах на первых порах не давала желаемых результатов. Адыги, в массе своей, с настороженностью отнеслись к новым образовательным учреждениям. Подобное положение объяснялось целой совокупностью причин. Ключевое значение среди них имела неспособность в течение длительного времени организовать обучение в горских школах на «материнском языке». Школа оставалась русской, «с преподаванием на русском языке, с русскими учителями, с русскими учебными руководствами», хотя и осуществлялись шаги по ее «национализации» [13, с.20]. В этой связи особую актуальность и для новой власти приобретала задача создания национальной письменности.

Касаясь вопроса создания национальной письменности, следует отметить, что советская власть рассматривала фронт языкового строительства в качестве «ответственного участка» «социалистического строительства» на Северном Кавказе. По мнению власти, без надлежащего использования национального языка и письменности невозможно было приобщение горских народов к социалистическому строительству. Национальные языки должны были стать основой создания новых «социалистических культур» [14, с.64]. Поэтому сразу же после прихода к власти большевики стали искать в горской среде людей, способных в кратчайшие сроки создать

национальную письменность и тем самым разрешить серьезные коммуникативные проблемы.

Стоит отметить, что изначально большевики считали необходимым привлечь к разработке письменности мусульманских духовных деятелей. В частности, известный революционер М. Шовгенов говорил о необходимости подыскать молодых арабистов [15] для решения этой задачи.

Говоря о деятельности мусульманского духовенства в области создания национальной письменности следует отметить, что актуальность этой работы для него обуславливалась, с одной стороны, пониманием того, что язык является одним из важнейших компонентов этнической культуры, символом этнической принадлежности народа, а с другой стороны, нуждами развития национального образования. Прогрессивно мыслящие представители духовенства все яснее осознавали, что развитие национальной культуры и образования немислимы без создания национальной письменности.

Уже в первые годы существования советской власти за основу просветительской работы были взяты разработанные представителями мусульманского духовенства на основе арабской графики варианты адыгского письма. В Адыгее это был алфавит, разработанный И. Бекухом. Именно на его основе было построено обучение в национальной школе в первые годы советской власти. Исходя из необходимости создания национальной системы образования, И. Бекух специально для учебных заведений Адыгеи составил «Букварь адыгейского языка» [16, с.3]. На основе алфавита А.И. Бекуха печатались и первые национальные печатные издания [16, с.93]. Переоценить значение алфавита И. Бекуха для развития адыгской культуры и образования чрезвычайно сложно: данный алфавит позволил решить важные культурно-просветительские задачи своего времени. На его основе первое десятилетие советской власти выходила вся

западно-адыгская литература, а также шло обучение в национальной школе.

Примечательно, что параллельно работу над созданием адыгской письменности на основе арабской графики вели и другие исламские деятели. В том же 1918 г. вышел в свет «Телфыбзэ» («Букварь»), автором которого был известный адыгский просветитель Х.Ю. Тлецерук (Лесорук) [17, с.17].

«Букварь» Х.Ю. Тлецерука был в своем роде универсальным изданием. Он одновременно был букварем арабского и адыгейского языков. Учебный материал был построен таким образом, что обучение Корану и адыгейскому языку происходило параллельно. Только освоив буквы арабского алфавита и дойдя до огласовок, учащиеся приступали к изучению адыгейского алфавита и оставшихся букв арабского алфавита. В конце «Букваря» отдельно давались буквы адыгейского алфавита, отсутствовавшие в арабском. В обращении автора на титульной странице говорилось: «Все народности начинают обучение на родном языке. Мы тоже должны учиться. Книга написана так, чтобы представленный в ней материал и арабский алфавит помогли в освоении адыгейского алфавита» [17, с.17].

Как и в Кубанской области, разработка национальной письменности у адыгов Нальчикского округа осуществлялась прогрессивными арабистами на арабской графической основе. Большая работа в этом направлении была осуществлена деятелями Баксанского культурного движения Н. Цаговым и А. Дымовым. Результатом их труда стал маленький букварь «Тхыбзэ» («Письменный язык»), который был взят за основу работы всех образовательных заведений как духовных, так светских. Интересна в этой связи реакция Н. Цагова на открытие школ с преподаванием на кабардинском языке и использование алфавита, составленного им в качестве первой советской кабардинской письменности. «Теперь мне

другой судьбы не надо: я поймал птицу счастья!» – с детской непосредственностью воскликнул он [18, с.251]. Несколько позже Т.З. Табуловым был создан кабардино-черкесский алфавит, на котором велось преподавание в школах Черкессии.

Активное вовлечение мусульманского духовенства к разработке национальной письменности позволило советской власти на первых порах достаточно успешно решать стоявшие перед ней коммуникативные и культурно-просветительские задачи. Не смотря на имеющиеся достижения в середине 20-х гг. власти все же поставили на повестку дня вопрос о замене арабской графики на латинскую, придавая его решению важное социально-политическое значение.

На второй конференции по просвещению горских народов Северного Кавказа, состоявшейся в 1925 г., было принято решение о латинизации письменности ингушей, кабардинцев, карачаевцев, адыгейцев и чеченцев. [19, с.13]. Духовенство пыталось противостоять политике латинизации и формулировало доводы в поддержку сохранения письменности на арабской графической основе. Они обращали внимание на то, что отказ от арабского письма негативно скажется на культурно-образовательной ситуации: и без того малое число грамотных превратится в неграмотных, более того, с переходом на новую графическую систему вся имеющаяся литература «будет похоронена». Среди приводимых доводов высказывался аргумент об отсутствии экономической целесообразности в проведении данного мероприятия, так как переход на новую систему письма был сопряжен с миллионными расходами, которые лягут тяжелым бременем на государственный бюджет [19, с.52]. Однако все эти доводы для властей были ничтожными в сравнении с стратегическими политическими задачами, которые позволяла решить ее языковая политика.

Столкнувшись с сопротивлением мусульманского духовенства в вопросе латинизации адыгской письменности, советская власть стала

обвинять его в игре на религиозных чувствах верующих и лживой пропаганде, в основе которой лежали контрреволюционные устремления и национализм. В вину духовенству ставилось стремление «ориентировать адыгейский народ в национально-культурном строительстве на панисламский Восток, затормозить дальнейшее развитие адыгейской национальной культуры и приобщение ее к русскому революционному движению» [20, с.379].

С 1928-1929 гг. уже любой вариант арабского письма стал считаться реакционным. Широко была развернута борьба с разновидностями «буржуазного национализма», а защитники реформированной арабицы стали подвергаться репрессиям [21, с.119-120]. В средствах массовой информации развернулась целая кампания по разоблачению националистических извращений на фронте языкового строительства.

В конце 20-х гг. центральные органы власти санкционировали наступление на религиозных деятелей по всему фронту и начали вытеснять их из всех сфер общественной жизни. Антирелигиозная пропаганда и борьба с духовенством, набиравшие силу в адыгских национальных автономиях поставили на повестку дня и вопрос относительно целесообразности дальнейшего пребывания исламских деятелей в советской школе. На школы возлагалась ответственная задача «социалистического перевоспитания масс», а это требовало, чтобы «они поставили у себя не только безрелигиозное воспитание, но и активное антирелигиозное...». Пресса тех лет писала: «учительство должно быть подготовлено к своей роли антирелигиозников», а «подлаживающихся священнослужителей надо гнать подальше от нас...» [22, с.68-69].

Таким образом, взаимодействие советской власти и мусульманского духовенства в культурно-просветительской сфере было свернуто на всех направлениях. Тем не менее, его итогом было формирование новых культурных потребностей и значимые социокультурные изменения в

адыгском обществе. Наиболее важным из них было массовое приобщение широких народных масс к образованию и осознание его важности. При этом школа становилась национальной не по существу, а по формальным признакам: национальный состав учащихся и язык преподавания. Стремление властей к созданию единого культурно-образовательного пространства, направленного на создание новой унифицированной исторической общности «советский народ», различавшейся лишь языковой спецификой, препятствовало поддержанию и национально-культурной специфики адыгского народа. Это позволяет говорить о том, что духовенство, само того не предполагая, способствовало достаточно успешному решению социально-политических и идеологических задач, стоявших перед новой властью в регионе.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках проекта 17-11-23005 "Советская власть и мусульманское духовенство Северного Кавказа в 1917-1920-е гг.: опыт взаимодействия (по материалам адыгских народов)".(Региональный конкурс: "Северный Кавказ: традиции и современность").

Список литературы

1. Десятый съезд РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). – М.: Политиздат, 1983. – Т.2. 1917-1922. – 606с.
2. Сталин И.В. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. – Т. 10. – 398с.
3. Двенадцатый съезд РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). – М.: Политиздат, 1984. – Т. 3. 1922-1925. – 494с.
4. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 353.
5. Ахметуко Ю.К. О нашем духовенстве//Мусульманин. – Париж. – 1910. - №10. – С.222-223.
6. Культурное строительство в РСФСР 1917-1927. –Т. 1. – Ч. 2. Документы и материалы. 1920-1927. – М.: Советская Россия, 1984. – 368с.
7. Революция и культура. – 1928. – № 21. – С. 25.
8. ГУНАРА. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 37.
9. ГУНАРА. Ф. р-730. Оп. 1. Д. 14.
10. Писатели Кабардино-Балкарии. XIX – конец 80-х гг. XX в. Биобиблиографический словарь. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 442с.
11. Хутиев Х.И. Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 450с.
12. РГАСПИ. Ф.17. Оп.84. Д.537.

13. Карасавва Ф. Просвещение нацмен Сев.-Кавказского края к 10-й годовщине Октябрьской революции // Вопросы просвещения на Северном Кавказе. – 1927. - №10-11. – С.18-22.
14. Сердюченко Г.П. Решительно разгромить нацдемовскую контрреволюцию в языковом строительстве // Революция и горец. – 1933. – № 6-7. – С.62-65.
15. Национальный музей Республики Адыгея. Ф. 2. Д. 933.
16. Зекох У. Краткая история адыгейской письменности // Вопросы адыгейского языкознания. – Вып. III. – Майкоп, 1983. – С. 88-95.
17. Хуако З.Ю. От письменности – к книжной культуре. – Майкоп: Адыгейское республиканское книжное изд-во, 2008. – 248с.
18. Налоев З.М. Этюды по истории культуры адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 1985.– 269с.
19. Исаев М.И. Языковое строительство в СССР (процессы создания письменности народов СССР. – М.: Наука, 1979. – 351с.
20. Кубов Ч.Ч. Борьба областной партийной организации за осуществление культурной революции в Адыгее (1920-1937) // Сборник статей по истории Адыгеи. – Ч. 1. Советский период. – Майкоп, 1967. – С. 358-395.
21. Алпатов В. М. Языковая политика в СССР в 20-30-е годы: утопии и реальность // восток. – 1993. – №5. – С. 113-127.
22. Диманштейн С. Антирелигиозная работа на Востоке // Революция и культура. – 1929. – № 9-10. – С. 65-69.

References

1. Desjatyj s#ezd RKP(b) // KPSS v rezoljucijah i reshenijah s#ezdov, konferencij i plenumov CK (1898-1986). – М.: Politizdat, 1983. – Т.2. 1917-1922. – 606s.
2. Stalin I.V. Sochinenija. М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1949. – Т. 10. – 398s.
3. Dvenadcatyj s#ezd RKP(b) // KPSS v rezoljucijah i reshenijah s#ezdov, konferencij i plenumov CK (1898-1986). – М.: Politizdat, 1984. – Т. 3. 1922-1925. – 494s.
4. RGASPI. F. 76. Op. 3. D. 353.
5. Ahmetuko Ju.K. O nashem duhovenstve // Musul'manin. – Parizh. – 1910. - №10. – S.222-223.
6. Kul'turnoe stroitel'stvo v RSFSR 1917-1927. –Т. 1. – Ч. 2. Dokumenty i materialy. 1920-1927. – М.: Sovetskaja Rossija, 1984. – 368s.
7. Revoljucija i kul'tura. – 1928. – № 21. – S. 25.
8. GUNARA. F. r-1. Op. 1. D. 37.
9. GUNARA. F. r-730. Op. 1. D. 14.
10. Pisateli Kabardino-Balkarii. HИH – konec 80-h gg. HИH v. Biobibliograficheskij slovar'. – Nal'chik: Jel'-Fa, 2003. – 442s.
11. Hutiev H.I. Stanovlenie i razvitie socialisticheskoj kul'tury sovetskoj Kabardino-Balkarii. – Nal'chik: Jel'brus, 1984. – 450s.
12. RGASPI. F.17. Op.84. D.537.
13. Karasavva F. Prosveshhenie nacmen Sev.-Kavkazskogo kraja k 10-j godovshhine Oktjabr'skoj revoljucii // Voprosy prosveshhenija na Severnom Kavkaze. – 1927. - №10-11. – S.18-22.
14. Serdjuchenko G.P. Reshitel'no razgromit' nacdemovskuju kontrrevoljuciju v jazykovom stroitel'stve // Revoljucija i gorec. – 1933. – № 6-7. – S.62-65.
15. Nacional'nyj muzej Respubliki Adygeja. F. 2. D. 933.
16. Zekoh U. Kratkaja istorija adygejskoj pis'mennosti // Voprosy adygejskogo jazykoznanija. – Vyp. III. – Majkop, 1983. – S. 88-95.

17. Huako Z.Ju. Ot pis'mennosti – k knizhnoj kul'ture. – Majkop: Adygejskoe respublikanskoe knizhnoe izd-vo, 2008. – 248s.

18.Naloev Z.M. Jetjudy po istorii kul'tury adygov. – Nal'chik: Jel'brus, 1985.– 269s.

19.Isaev M.I. Jazykovoe stroitel'stvo v SSSR (processy sozdaniya pis'mennosti narodov SSSR. – M.: Nauka,1979. – 351s.

20.Kubov Ch.Ch. Bor'ba oblastnoj partijnoj organizacii za osushhestvlenie kul'turnoj revoljucii v Adygee (1920-1937) // Sbornik statej po istorii Adygei. – Ch. 1. Sovetskij period. – Majkop, 1967. – S. 358-395.

21. Alpatov V. M. Jazykovaja politika v SSSR v 20-30- e gody: utopii i real'nost'// vostok. – 1993. – №5. – S. 113-127.

22. Dimanshtejn S. Antireligioznaja rabota na Vostoke //Revoljucija i kul'tura. – 1929. – № 9-10. – S. 65-69.